

Цзян Цзинсин, наблюдая за этим, намеренно или случайно произнес:

— Говорят, в Городе Сюанью водятся призраки, и, видимо, они выглядят ужасно, пугающе.

Теперь Ли Чжисюань даже меч не мог удержать крепко.

Се Жунцзяо, обладая отличной психической устойчивостью, совершенно не поддался влиянию слухов о призраках и спокойно спросил:

— Что случилось прошлой ночью?

Служащий зловеще улыбнулся, его лицо исказилось:

— Естественно, я пришел за вашими жизнями!

Ли Чжисюань чуть не упал на пол.

Но служащий упал быстрее.

Его горло пронзил меч.

Се Жунцзяо поднял меч, огляделся и приказал:

— Выходите!

Он сразу же определил, где скрывались засады, и, не желая ждать, добавил:

— Или не выходите.

Его меч был быстрее слов.

Не дав противникам времени возмутиться его непоследовательностью, меч, словно дракон, пронесся по комнате, и гостиница внезапно осветилась, чтобы все могли увидеть их испуганные лица перед смертью.

Если бы не присутствие Цзян Цзинсина и необходимость защищать репутацию своего учителя, Ли Чжисюань бы тоже упал на пол, чтобы покончить с этим.

Меч вернулся в ножны, и гостиница снова погрузилась во тьму.

Но тьма не могла скрыть волнение постояльцев.

Честно говоря, хотя демонические культиваторы во время Северной охоты действительно совершали ужасные преступления, если считать всех культиваторов Девяти Областей добрыми и мирными, это было бы слишком наивно.

Эта гостиница была одним из немногих мест в пустыне, где можно было отдохнуть и пополнить запасы, и её высокие цены за годы накопили значительное богатство, достаточное для того, чтобы рискнуть жизнью.

В следующее мгновение из разных комнат гостиницы со всех сторон полетели магические артефакты, ослепляя своим блеском.

Но что еще удивительнее, они летели не в одном направлении и не к одной цели.

Кто-то хотел захватить богатства гостиницы, стараясь первым пробиться через толпу; кто-то хотел заслужить благосклонность главы племен этапа большой колесницы, надеясь захватить Се Жунцзяо и его спутников в обмен на что-то полезное для себя.

И, что забавно, Ли Чжисюань чувствовал себя более комфортно в этой ситуации: ноги перестали дрожать, руки успокоились, и он готов был вытащить меч и начать бой.

Цзян Цзинсин оставался неподвижным, но воздух вокруг него стал тяжелым, словно в нем витали тысячи мечей благородства, готовые разрушить гостиницу и главу племен вдалеке.

Он не испытывал никаких угрызений совести за нарушение правил Северной охоты.

По сравнению с убийством главы племен нарушение правил Северной охоты было пустяком. Пусть всё смешается в одном хаосе.

Се Жунцзяо повернулся и остановил его, его лицо в свете магических артефактов выглядело чистым и ясным:

— Учитель, я разочарован.

Не разочарован жестокостью и безумием демонических культиваторов.

Это не стоит того.

Не разочарован эгоизмом и равнодушием других.

Это не имеет смысла.

Он разочарован в тех, кто должен был поступать правильно, но не сделал этого.

— Поэтому на этот раз я сам возьмусь за меч.

Когда слова не действуют, нужно говорить мечом.

Се Жунцзяо начал с Поднебесной лазурной выси.

Если сравнивать с людьми, то меч Чжэньцзяншань был бы лучшим оратором, а меч благородства — лучшим искусством спора.

Если с таким не победить, то это просто несправедливо.

Поэтому Се Жунцзяо не стал задумываться, каким ударом закончить: на полу уже лежали тела.

Цзян Цзинсин, взглянув на выражение лица Се Жунцзяо, почувствовал раздражение.

Он был молод, но его опыт был богат, и он видел всё, что может предложить мир: добро и зло, тепло и холод. Он знал, что этот мир не был полностью хорошим, красивым и светлым.

Чиновники, стремясь подняться по карьерной лестнице, сначала теряли свою честь, затем бросали своих жен и родителей, и, наконец, единственное стремление — служить народу — проигрывало перед жадной властью.

Ведь весь мир погряз в грязи, и все пьяны.

Культиваторы, стремясь к вершинам, считали своих родителей, любимых и братьев обузой на пути к великому дао, и, чтобы оправдать свои жертвы, считали себя выше простых смертных, убивая тех, кто им не нравился, без раздумий.

Они говорили, что отреклись от чувств, но в их сердцах всё еще горело стремление подняться выше и наслаждение тем, что они могут унижать других.

Какая же это отрешенность?

Просто смешной и уродливый спектакль.

Чиновники, культиваторы, искатели богатства — все они, в конце концов, стремились к одному: подняться выше.

Когда он учил Се Жунцзяо, Цзян Цзинсин, как и все любящие старшие, ворчал, что юноши становятся всё хуже, и думал, что без испытаний мир не получится; но в то же время, чтобы угодить ребенку, готов был на колени встать, лишь бы он поел, и считал, что обязан проложить ему путь.

Метаясь между этими мыслями, прежде чем окончательно сойти с ума, Цзян Цзинсин решил плыть по течению.

Хорошее нужно видеть, плохое — тоже.

Так Се Жунцзяо вырос в юношу, который любил весенние цветы и осеннюю луну, но также был готов принять свет луны и ветер.

Цзян Цзинсин десять лет плыл по течению, считая, что его подход был образцовым.

Но в последнее время что-то пошло не так, и он всё чаще хотел просто раздавить всех, кто причинял Се Жунцзяо беспокойство, чтобы они больше никогда не появлялись перед ним.

Цзян Цзинсин на мгновение замолчал, списав это на летнюю жару, которая всегда делает людей более раздражительными.

Совершенно забыв, что в Северной Пустоши времена года перевернуты, и сейчас была зима.

Тело святого, не подверженное жаре и холоду, давало ему право на капризы.

— Брат Се, ты так быстро вытащил меч, — Ли Чжисюань почесал голову, — я даже не успел среагировать.

Видя его расстроенный вид, Се Жунцзяо слегка улыбнулся, и его раздражение немного уменьшилось:

— Не думал, что брат Ли такой любитель драться.

Даже Фан Линьхэ, возможно, не был таким заядлым бойцом, как он.

Ведь Фан Линьхэ искал только путь меча, а Ли Чжисюань просто радовался любой возможности подраться.

Но Ли Чжисюань ответил:

— Я не любитель драк, но в этой ситуации мне действительно хотелось сражаться.

Он смущенно добавил, как будто боясь, что Се Жунцзяо посмеется над ним:

— Если честно, я просто чувствовал, что это неправильно. Я знаю, что в мире много неправильного, что-то далеко от меня, что-то слишком сложное, чтобы я мог вмешаться, и я не думаю об этом, чтобы не усложнять себе жизнь.

— Но когда такое происходит рядом со мной, и я могу что-то сделать, это значит, что небеса хотят, чтобы я вмешался. Даже если это будет стоить мне жизни, я должен это сделать, иначе мне будет очень неприятно.

Он с детства учился мечу у кузнеца, который был простым человеком, знавшим только кузнечное дело и фехтование. Ли Чжисюань был чуть более образованным, но всё равно не читал много книг и не знал, как красиво выразить свои мысли.

Когда он наконец высказал то, что давно держал в себе, он почувствовал облегчение, даже не думая о том, что Се Жунцзяо может посмеяться над ним.

Се Жунцзяо молча поклонился ему.

Оказывается, даже в далекой Северной Пустоши всё еще существует ци благородства.

Благодаря двум удостоверениям личности от Врат Меча они успешно вошли в Город Сюаньу под именами Гао Шаня и Цзян Цзина, выглядя как богатые молодые люди, приехавшие в город за покупками.

Войдя в Город Сюаньу, Се Жунцзяо на мгновение почувствовал себя так, словно он не в Северной Пустоши, где даже ветер дышит грубостью, а в далеком южном краю.

Голоса рассказчиков звучали повсюду, и, хотя была зима, молодые женщины в ярких платьях своими мягкими голосами могли растопить даже лед, создавая атмосферу весеннего тепла.

По обеим сторонам улиц стояли лавки, из которых поднимался пар, и слышались крики. Рестораны и дома разных размеров источали соблазнительные ароматы. Хотя здесь не было привычных южных ив, повсюду висели фонари, настолько искусно сделанные, что даже их кисточки были детализированы. Ночью, когда их зажигали, это должно было быть красивее, чем на празднике фонарей.

Даже цветы и платки, которые бросали Цзян Цзинсину, не уступали южным.

Несмотря на все подозрения, связанные с правителем Города Сюаньу, Се Жунцзяо не мог не задаться вопросом: действительно ли человек, способный управлять городом таким образом, мог позволить призракам терроризировать его до сегодняшнего дня?

Цзян Цзинсин, видя такие сцены, чувствовал себя как дома. Он то гадал, то рассказывал истории, и за полдня почти весь город узнал, что в городе появился красивый молодой человек.

Ли Чжисюань был поражен:

— Как вы, старший, умудряетесь так легко говорить всё это?

Се Жунцзяо спокойно ответил:

— Это моя профессия.

Ли Чжисюань с недоумением спросил:

— Разве старший Гао не мечник?

Его учитель говорил, что с того момента, как мечник начинает тренироваться, он заключает договор с мечом, и его жизнь уже принадлежит ему.

<http://bllate.org/book/16198/1453670>